

В.И. Иванова

МНОГООБРАЗНОЕ ПРОЯВЛЕНИЕ ЧАСТИ И ЦЕЛОГО В ЯЗЫКОВОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Часть и целое – философские категории, выражающие одну из форм всеобщей объективной взаимосвязи предметов и явлений материального мира. Целым, согласно Аристотелю, называется то, «у чего не отсутствует ни одна из тех частей, состоя из которых оно именуется целым от природы, а также то, что объемлет так объемлемые им вещи, что последние образуют нечто одно; а это бывает двояко: или так, что каждая из этих вещей есть одно, или так, что из всех них образуется одно» [2: 174].

Аристотель замечает, что ищут причину для материи, а она есть форма, в силу которой материя есть нечто определенное; а эта причина есть сущность вещи; то, что состоит из чего-то таким образом, что целокупное есть одно, но не груды, а как слог, есть нечто иное, нежели то, из чего оно состоит. Ведь слог – это не отдельные звуки речи, и слог «ба» – не то же самое, что [б] и [а], как и плоть не то же самое, что огонь и земля (ведь после того как их разлагают, одно – а именно плоть (и слог) – уже не существуют, а звуки речи или огонь и земля существуют. Стало быть слог есть что-то – не одни только звуки речи (гласный и согласный), но и нечто иное. Если само это нечто также должно быть элементом, или состоять из элементов, то рассуждение будет опять тем же и так до бесконечности [Op. cit.: 221]. Вот это «нечто» и есть сущность вещи. То, на что нечто разложимо и что содержится в нем как материя, например, [б] и [а] в слове «ба» – есть элемент.

Богатая шкала связей между целым и частями (меронимических связей, от греч. *Meros* – часть, доля) оказывается вовлеченной в строение языка, где *pars pro toto* и *totum pro parte*, *genus pro species* и *species pro individuo* [10: 305].

Меронимический подход к анализу вербального кода включает два вида анализа: анализ по элементам и анализ по единицам. Элементы – части целого, не содержащие в себе свойств, присущих целому как таковому. Единица – часть целого, обладающая всеми основными свойствами, присущими целому. Целое в этом случае не состоит из простой суммы элементов, оно имеет структуру, объединяющую и организующую свои единицы [4: 261].

Структура вербального кода представляет собой сложный пример отношений между целым и частью. Язык – многоэтажная иерархия целого и частей. Слово мы рассматриваем как представителя класса слов, либо как целое, состоящее из морфем. Модель предложения как целого – часть синтаксической парадигмы и целое по отношению к грамматическим составляющим предложения [10: 305].

Важной структурной особенностью языка является то, что ни на одной стадии расчленения высших единиц на составляющие их части невозможно встретить фрагменты, которые не несут никакой информации [Op. cit.: 304].

Несмотря на многочисленные аспекты взаимозависимости целого и частей в языке, лингвисты долгое время были склонны игнорировать этот аспект [Op. cit.: 301]. Как отмечает Р.О. Якобсон, лингвисты часто сталкивались с трудностями при переходе от дробного множества к расширенному множеству или же к другой, меньшей части множества, что давало повод для различных изоляционистских направлений в науке о языке. Другая трудность состояла, по мысли Якобсона, в рассмотрении предложения как наивысшей языковой единицы. Образования более высокого уровня, а именно высказывания, которые могут объединять сочетания предложений, а также дискурс, который обычно представляет собой обмен высказываниями, оставались за пределами лингвистического анализа [Idid.].

Вместе с тем на предложение часто смотрели как на максимальную актуальную речевую единицу, тогда как низшие единицы типа слова или морфемы рассматривались как простые научные конструкты, навязываемые речевой действительности [Op. cit.: 302]. Все единицы, начиная с дискурса и кончая его элементарными компонентами, имеют совершенно различные статусы по отношению к вербальному коду и представляют различные степени относительной зависимости. Ни одна из этих единиц не может быть исключена из реалистического и исчерпывающего анализа языка как такового [Idid], ЯЗЫКА как целого.

При рассмотрении вербального кода как системы отмечается, что ядро языковой системы образуют предельные единицы языка и связывающие их отношения. Под предельными единицами языка понимаются аллофоны, морфы, слова, словосочетания, предложения или в абстрактном аспекте фонемы, морфемы, слова, структурные схемы предложений. Под отношением между предельными единицами понимаются все типы парадигматических и синтагматических отношений. [8: 16].

«Частями» языка, подсистемами общей языковой системы являются уровни языка. Каждый уровень представляет собой совокупность относительно однородных единиц, правил их классификации и использования. Единицы разных уровней обладают качественным своеобразием (обнаруживают новое качество). С единицами других уровней единицы какого-либо одного уровня вступают только в иерархические отношения типа «состоит из...» или «входит в...» [5: 539]. Единицы языка – элементы системы языка, имеющие разные функции и значения. Выделяют разные типы единиц языка: материальные, имеющие постоянную звуковую оболочку; единицы языка, «относительно-материальные» единицы имеющие переменную звуковую оболочку – модели строения слов, словосочетаний, предложений [5: 149].

Материальные единицы языка характеризуются вариантно-инвариантным устройством. За счет этого картина уровневой организации языка усложняется. Единицы языка существуют в конкретном виде – в виде множества вариантов и в абстрактном виде – как класс (множество) своих вариантов, как абстрактная сущность, инвариант («этические» и «эмические» единицы). Эти единицы принадлежат одному и тому же объективному уровню языка в онтологическом смысле, но могут входить в сферу разных «уровней анализа» [5: 539].

Относительно-материальные единицы существуют в виде образцов, моделей или схем построения слов, словосочетаний и предложений и обладают обобщенным конструктивным значением, воспроизводящимся во всех единицах языка, образованных по этой модели.

Иногда в качестве единиц языка рассматривают и «элементы элементов»: признаки фонем, элементы смысловых единиц.

Уровни языка – не изолированные друг от друга «участки» языка. Они в силу иерархических отношений теснейшим образом связаны и характеризуют объективное устройство языковой системы. Уровневая организация языка предполагает условное выделение «низших» уровней языка как результат своего рода расчленения или трансформации «высших» уровней. Реальное направление развития может иметь обратный характер – от единицы высшего уровня к единице низшего уровня. Язык не складывается из уровней в процессе развития, а членится на них [Ibid].

Э. Бенвенист подчеркивает, что членораздельность, дискретность элементов языка, есть отличительная черта человеческой коммуникации. Прерывность языка Э. Бенвенист рассматривает в диалектическом единстве с непрерывностью. Отсюда пристальное внимание к отношениям части и целого, их диалектике в языке. Бенвенист определяет язык как систему знаков, в структуре которой каждая часть существует лишь благодаря целому, в свою очередь существующему лишь в составе совокупности своих составных частей [3: 38]. В системе языка как и в других органичных саморазвивающихся системах ничто ничего не значит само по себе и по своему природному свойству, в ней все имеет значение вследствие зависимости от целого [Op. cit.: 25]. Бенвенист убежден, что только понятие уровня поможет обнаружить за всей сложностью форм своеобразие частей и целого и выделить сами эти части [Op. cit.: 129].

Разлагая единицу данного уровня, мы получаем не единицы низшего уровня, а формальные сегменты той же единицы. [Op. cit.: 134]. «Единственная возможность определить эти элементы как конститутивные состоит в том, чтобы идентифицировать их внутри определенной единицы, где они выполняют интегративную функцию. Единица признается различительной для данного уровня, если она может быть идентифицирована как составная часть единицы высшего уровня, интегрантом которого она становится [Op. cit.: 135].

На основании анализа разных систем Э. Бенвенист приходит к определению языковой формы и структуры, вбирающему в себя понятия части и целого. Согласно этому определению, языковая форма представляет определенную структуру: 1) она есть единство некоего целого, доминирующего над частями; 2) эти части формально упорядочены на основе определенных постоянных принципов; 3) форма получает характер структуры именно в силу того, что все компоненты целого выполняют ту или иную функцию; 4) эти компоненты являются единицами какого-либо определенного уровня, и каждая единица одного уровня становится подъединицей более высокого уровня [Op. cit.: 25].

Отношение целого и части характеризует не только вербальный код как систему, оно многообразно проявляется в языковой действительности. Анализ речи показывает важность изучения и сопоставления различных фаз целого речевого события.

Целое может означать некоторый временной период, в пределах которого частями являются временные интервалы. Вербальное сообщение, например предложение, является временным периодом, то есть целым, а его части – временными интервалами в пределах этого целого [10: 303]. По мысли Якобсона, грамматический разбор предложения, как и лингвистический анализ вообще, обязательно должен следовать принципу «непосредственно составляющих», сформулированному Гуссерлем и тщательно разработанному американскими лингвистами.

С другой стороны, любое сообщение может рассматриваться и должно рассматриваться как временной интервал в пределах вербализованного или невербализованного, непрерывного или прерывного временного контекста. Искусственная трактовка сообщений без обращения к предполагаемому контексту подтверждает неправомочность превращения простой части в кажущееся самостоятельное целое [Op. cit.: 304].

Р.О. Якобсон заметил, что постоянное внимание к разнообразным формам отношений между целым и частью поможет раздвинуть рамки нашей науки; это позволит проводить систематический анализ вербальных сообщений, причем будет приниматься во внимание как код, так и контекст [Op. cit.: 305].

Начиная с В. фон Гумбольдта, языковедение все более настоятельно обращается к объяснению глубинных закономерностей возникновения и функционирования своего предмета – языка как целостного феномена человеческого бытия.

В последнее время уделяется большое внимание когнитивным аспектам функционирования языка; поднимаются вопросы целого и части в отношении категоризации, соотношения концепта и значения.

Как отмечает Н.К. Рябцева, в языке проявляются: базовый, доконцептуальный (перцептивный, эмпирический) уровень категоризации, концептуальный и логико-понятийный (научный) [7: 29]. Базовый, доконцептуальный уровень категоризации направлен на освоение воспринимаемых

объектов и явлений действительности, он наиболее автоматизирован, наименее отрефлексирован и свидетельствует, что значительная часть практического опыта и предметных знаний формируется интерактивно, в процессе восприятия физического мира и действия в нем, сопровождается соотношением объекта или ситуации с конкретной предметной областью и созданием структурированного по оппозиции «часть – целое» соответствующего ментального образа. Структурная схема ментального образа возникает благодаря способности человека расчленять объект, событие, явление на функционально значимые части, составляющие, «измерения» и связывать их в целостный образ. Возникающие при этом целостные образы – не элементарные атомарные элементы, а структурированные единства: содержательные, комплексные, насыщенные существенной предметной и структурной информацией единицы экспериенциального опыта, не распадающиеся на более мелкие и простые самостоятельные независимые части. Они включают необходимые и достаточные для их различения предметные признаки и составные части, по которым распознается и выделяется целое. Целое, тем самым, имеет свои естественные «измерения»: составные части, состав, их организацию, свойства, проявления и функции [Ibid]. Благодаря комплексному восприятию единства «целое – часть» и формированию соответствующих целостных «гештальтов», «ментальных примитивов», «экспериментальных кластеров», базовый уровень познания и категоризации оказывается эмпирически адекватным, содержательно насыщенным и предельно операциональным [Op. cit.: 30].

Специалисты в области концептологии рассматривают концепт как основную единицу сознания, глобальную единицу мыслительной деятельности, квант структурированного знания. Упорядоченная совокупность концептов в сознании индивида есть его концептосфера [1: 7]. Концепт имеет овеществление (репрезентацию, объективацию, овнешнение, вербализацию) языковыми средствами. Через анализ совокупности языковых средств, объективирующих концепт, можно составить представление о содержании и структуре концепта в концептосфере и описать данный концепт [Op. cit.: 5]. Такое описание не будет полным, так как оно основывается только на языковых данных, а концепты как единицы сознания имеют и невербализованную часть содержания.

З.Д. Попова и И.А. Стернин, развивая семантико-когнитивный подход в лингвокогнитологии, исследуют соотношение семантических процессов с когнитивными. Семантика языковых единиц, объективирующих концепты, позволяет получить доступ к содержанию концептов как мыслительных единиц. Значение есть часть концепта как мыслительной единицы, закреплённая языковым знаком в целях коммуникации. Концепт, если он назван, включает как свою составную часть психологически реальное и лексикографическое значение, но по объёму своего содержания остается неизмеримо больше, чем оба названных значения [Op. cit.: 8].

В акте речи вербализуется коммуникативно-релевантная часть концепта. Исследование семантики языковых единиц, вербализующих концепт, – путь к описанию вербализованной части концепта.

Часть и целое можно рассмотреть на дискурсивном уровне. Термин «дискурс» начал широко употребляться в начале 1970-х гг., первоначально, как замечает Ю.С. Степанов, в значении, близком к тому, в каком в русской лингвистике бытовал термин «функциональный стиль». Ю.С. Степанов [9] приводит описание понятия «дискурс», составленное В.З. Демьянковым, и определение дискурса, данное П. Серио. Под дискурсом понимается произвольный фрагмент текста, состоящий более, чем из одного предложения или независимой части предложения. Часто, но не всегда, концентрируется вокруг некоторого опорного концепта; создает общий контекст, описывающий действующие лица, объекты, обстоятельства, времена, поступки и т.п., определяясь не столько последовательностью предложений, сколько тем общим для создающего дискурс и его интерпретатора миром, который «строится» по ходу развертывания. Дискурс – это особое использование языка для выражения особой ментальности; особое использование влечет активизацию некоторых черт языка, и в конечном счете, особую грамматику и особые правила лексики и, в конечном счете в свою очередь создает особый «ментальный мир» [9: 38–39].

Дискурс – это «язык в языке», но представленный в виде особой социальной данности. Дискурс реально существует не в виде своей «грамматики» и своего «лексикона», как язык просто. Дискурс существует прежде всего и главным образом в текстах, но таких, за которыми встает особая грамматика, особый лексикон, особые правила словоупотребления и синтаксиса, особая семантика – в конечном счете – особый мир. В мире всякого дискурса действуют свои правила синонимических замен, свои правила истинности, свой этикет. Это – «возможный (альтернативный) мир» в полном смысле этого логико-философского термина. Каждый дискурс – это один из «возможных миров» [Op. cit.: 44–45].

К дискурсу как части языковой действительности применим логико-лингвистический подход, в нем можно выделить категории и формы, описать его структуру по аналогии с тем, как это сделано при изучении вербального кода, естественно с учетом специфики дискурса. Принимая во внимание, что в концепт «дискурс» исследователи вкладывают разный смысл, подчеркнем, что мы имеем в виду не процессуальный, динамический характер дискурса (см. об этом: [6]), а реализацию (актуализацию) в дискурсе вербального кода.

Структура и функции вербального кода были предметом лингвистического исследования в предыдущие эпохи, особенно в рамках системно-структурного, трансформационного и генеративного подходов. Современная когнитивно-прагматическая функциональная парадигма, расширив предмет лингвистики, обращается к установлению

закономерностей дискурса, понимаемого как реализация вербального кода в определенном коммуникативно-социальном контексте. Систематизация описаний дискурса в отношении его инвариантно-вариантного строения, парадигматики и синтагматики, уровневой структуры дискурсивных явлений еще не осуществлена.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антология концептов / Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. – М.: Гнозис, 2007. – 512 с.
2. Аристотель. Сочинения. В 4-х т. – М.: Мысль, 1976. – Т 1. – 550 с.
3. Бенвенист Э. Общая лингвистика / Пер. с франц. – М.: Прогресс, 1974. – 447 с.
4. Выготский Л.С. Мышление и речь. Психологические исследования. – Л.: Гос. соц.-эконом. Изд-во. 1934. – 324 с.
5. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. – М.: Гнозис, 2003. – 280 с.
6. Рябцева Н.К. Язык и естественный интеллект. – М.: Academia, 2005. – 640 с.
7. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия. – 1990. – 685 с.
8. Степанов Ю.С. Изменчивый «образ языка» в науке XX века // Язык и наука конца XX века: Сб. ст. – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1995. – С. 7–34.
9. Степанов Ю.С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности // Язык и наука конца XX века: Сб. ст. – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1995. – С. 35–73.
10. Якобсон Р.О. Избранные работы. – М.: Прогресс, 1985. – 455 с.

Н.И.Курганова

ПРИРОДА И СУЩНОСТЬ ОБЫДЕННОГО ЗНАНИЯ

Проблема знания в последнее время вошла в число важнейших междисциплинарных проблем [10: 40]. Но именно когнитология как наука, объектом которой является ментальных процессов и структур, «объединила под своей эгидой все те дисциплины, которые так или иначе были связаны с изучением человеческого мозга и его работой» [13: 3]. В ряду специальных дисциплин, исследующих знание и познание, когнитивной лингвистике отводится особая роль, поскольку в центре внимания исследователей «находится язык как общий когнитивный механизм и когнитивный инструмент», который непосредственным образом участвует в репрезентации и трансформировании информации [13: 53].

Знание как центральное понятие когнитивной науки охватывает достаточно широкий спектр представлений, относящихся к итогам познавательной деятельности человека. Но в последние десятилетия